

О. А. Яновский. Экзамены на выживание у суровой «Учительницы Жизни» (К 120 – летию со дня рождения Александра Антоновича Савича) / Яновский О. А. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.281–301.

О. А. ЯНОВСКИЙ

ЭКЗАМЕНЫ НА ВЫЖИВАНИЕ У СУРОВОЙ «УЧИТЕЛЬНИЦЫ ЖИЗНИ» (К 120-летию со дня рождения Александра Антоновича Савича)

Имя Александра Антоновича Савича внесено в анналы советской исторической науки. О нем дает информацию «Советская историческая энциклопедия», обозначая вехи творческой биографии: доктор исторических наук (1935), профессор (1926), преподаватель в университетах и педагогических институтах Минска, Перми, Ярославля и Москвы, научный сотрудник в Государственном историческом музее и Институте истории АН СССР, автор более 120 печатных работ [1, с. 450]. И не более того. Расшифровка же жизненного пути совершенно отсутствует и в энциклопедиях советской поры, и в современных изданиях. А жизнь, прожитая Александром Антоновичем, весьма интересна и поучительна с точки зрения «вживания» белорусского интеллектуала в новые советские реалии.

Важные, но лапидарные сведения. Постараемся проследить и проанализировать вехи жизненной и творческой биографии ученого-историка. Чем дольше занимаешься изучением многогранной отечественной истории, тем больше крепнет убеждение, что только с обращением к ее творцам, известным уже или еще малоизвестным «посталям», возможно по-настоящему раскрыть сложные и вместе с тем славные обстоятельства формирования нового белорусского социума, его культуры, государственности. «Личностная история» сегодня и популярна в среде исследователей, и востребована интеллектуальной частью общества.

Приступая к изучению творческого и жизненного пути Александра Антоновича Савича — одного из тех интеллектуалов-белорусов, кто заложил основы Белорусского государственного университета и системного изучения истории России и Беларуси, — пришлось руководствоваться достаточно разрозненной информацией, в том числе и, к удивлению, скудными интернет-ресурсами (просмотренные сайты сочтено целесообразным обозначить одной сноской) [2]. Было известно, что его короткое пребывание в Минске в начале 1920-х гг. оказалось весьма насыщенным, что молодой историк сразу зарекомендовал себя как один из самых популярных в студенческой среде, как превосходный знаток российской истории. А. А. Савич являлся и членом Архивной комиссии Академцентра при Наркомате просвещения БССР. И самое интересное — он поддержал идею создания автокефальной православной церкви Беларуси, что стало одной из причин оставления им Минска в 1924 г. Но уже в 1928 г., между тем, в отчете БГУ почему-то прошла информация, что на осень назначена защита диссертации «на степень доктора российской истории профессором А. Савичем» (данное сообщение пока не поддается расшифровке: может быть, реальнее 1923 г.?). Второй период деятельности Савича в родной ему Беларуси пришелся на сложные первые послевоенные годы, когда он работал и в аудиториях БГУ, и в кабинетах Института истории АН БССР.

Попытки проследить творческий путь историка за пределами Беларуси еще более затруднительны. Его мытарства по вузам России принесли не только нервные стрессы, но и очевидные успехи. В 30-е гг. он смог-таки защитить докторскую диссертацию в Москве по проблеме взаимоотношений России (у него — Московии) с Речью Посполитой во времена Смуты. Он стал одним из авторов первых «сталинских» учебников для высшей школы по истории СССР [3]. А научный багаж ученого не только объемён по количеству трудов, но и разнообразен по исследованным сюжетам: история униатской церкви, культуры Беларуси и Украины, Урала и социальных движений в этом регионе, события войны 1654—1667 гг.

Однако именно подобная недосказанность подвигла автора на поиск более детальной и разнообразной информации о человеке, заложившем в БГУ основы россиеведения. И акцент был сделан именно на «белорусском» периоде жизни историка, хотя в целом его биография и характерна для первого поколения советской интеллигенции, и в какой-то мере поучительна. Но приходится констатировать, что это только подступ к написанию его биографии.

«Личное дело» о начальных вехах биографии. Жизненный путь А. А. Савича уложился в полные 67 лет. Он родился 1 (13) марта 1890 г. в селе Переволока Гродненской губернии. В отдельных упоминаниях (о как бы не забытом в Беларуси, но все же известном только специалистам выдающемся историке) называются современные административные координаты места его рождения: деревня Лапеница Волковыского района Гродненской области. Как можно судить по данным российских

гербовников, род Савичей принадлежал к нетитулованному российскому и малороссийскому дворянству и имел свой герб. Видимо, а это предположение придется еще уточнять, Александр Антонович имел прямое отношение к белорусской шляхте. Но однозначные утверждения о его происхождении делать пока затруднительно. В его «личном деле», которое хранится в Национальном архиве РБ [4], нет прямого указания на род занятий отца и в целом нет подробной информации о семье, о происхождении. Известно, что в 1834 и 1853 гг. Литовскую духовную семинарию заканчивали два Антония Савичи, оставившие заметный след в истории православной церкви на белорусской земле. А один из них, выпускник 1834 г., преподавал российскую историю [5]. То, что юноша в четырнадцатилетнем возрасте стал воспитанником Литовской духовной семинарии и был увлечен историей, можно считать естественным продолжением семейной традиции служения Господу и Науке.

«Личное дело» содержит интересные сведения не только о коротком времени работы историка в качестве «преподавателя русской истории» БГУ, но и о его восхождении по профессиональной лестнице. В «жизнеописании», заполненном 21 октября 1921 г., Савич указал, что родился 1 (13) марта 1890 г. в Слонимском уезде Гродненской губернии. Позже он уточнил в личной карточке особой «формы № 2, категории I», что местом жительства семьи была деревня Лапеницы Изабелинской волости Волковысского уезда. Эти сведения были дополнены в воинской личной книжке (форма № 4, воинская категория № 56): «родился в селе Лапенец Изабелинской волости Волковысского уезда Гродненской губернии, в старой и Красной армиях не служил, в каких-либо военных кампаниях не участвовал, воинской специальности, военного или спортивного образования, а также ранений, контузий или отравлений газами не имел, имеет общее высшее образование, является беспартийным, по семейному положению женат (в составе семьи находятся 3 члена, в том числе 2 нетрудоспособных)».

Среднее образование белорус получил в Вильно в Литовской духовной семинарии, которую окончил в 1910 г. Годы учебы выпускник-семинарист «по свежим следам» представил в очерке о своем воспитателе — «Памяти дорогого воспитателя Ивана Александровича Неще-ретова [ум. в 1913 г.]: (Воспоминания бывшего семинариста)», который был опубликован в книге «Памяти Ивана Александровича Нещеретова (Вильна, 1913, с. 13—24). (К сожалению, издание не удалось найти в отделах редкой книги минских фундаментальных библиотек). В очерке описываются не только личность и характер надзирателя Нещеретова, но и впечатления от революционных событий 1905—1907 гг., повседневная жизнь и заботы семинаристов.

Начало профессионального восхождения. Подобное начало пути к вершинам знаний предопределило для семинариста следующее учебное заведение: высшее образование он получил в Санкт-Петербургской (с 1914 г. — Петроградская) духовной академии, которую окончил в 1914 г. с дипломом первой степени (как указано в служебной анкете — «магистрантом»). В списке выпускников за 1914 г. в ряду 18 удостоенных «степени богословия с правом соискания степени магистра богословия без нового устного испытания» (читай — окончивших с отличием) назван под номером 11 и уроженец Литовской губернии Савич Александр Антонович. Интересно, что среди всего курса LXXI 1914 г. (а это 65 выпускников) уроженцев белорусских губерний еще только двое, а для двоих других экзамены были отложены «на осень» [6]. Научные способности начинающего богослова были подкреплены не только премией имени Правдина, которой Савич был удостоен за «кандидатскую работу» о белорусско-украинских школах в XVII—XVIII вв., но и его оставлением на кафедре русской истории для подготовки к магистерскому званию.

Так удачно складывавшийся путь в науку был прерван начавшейся Первой мировой войной. А. А. Савичу пришлось оставить Академию в беспокойном Петрограде (в 1916 г. она была вовсе закрыта) и переехать в Москву. Жизнь «второй» столицы империи мало чем отличалась от довоенной. И Александр Антонович решил резко изменить направление своего научного пути. Он поступил на историко-филологический факультет (по историческому отделению) Московского императорского университета. Тем более что от военной службы он был освобожден. Но, видимо, главным побудительным мотивом стали семейные увлечения историей и полученные глубокие ее знания в духовной Академии. Почти накануне октябрьского переворота 1917 г. молодой историк сдал государственные экзамены и был удостоен диплома 1-й степени. Жизнь как бы стала налаживаться: выпускник не только был оставлен при университете, но и получил место преподавателя истории в гимназии.

Однако вновь окончание очередного вуза совпало с событием «непреодолимой силы». Революции 1917 г. вынудили Александра Антоновича искать «укромное» место для завершения подготовки к получению магистерского звания. И Петроград, и Москва оценили уровень его способностей, но политические катаклизмы нарушили ритм продвижения по профессиональной лестнице. Наиболее приемлемым для научных штудий был избран Саратов. Здесь работали крупные историки и правоведы, которые могли углубить квалификацию начинающего белорусского историка. С 1917 по 1920 г. Савич

готовился к магистерским экзаменам у профессоров Саратовского университета В. И. Веретенникова и С. Н. Чернова, под руководством М. К. Любавского и В. И. Веретенникова работал над магистерской диссертацией «Западнорусские школы в XVI—XVIII вв.». Как следует из «личного дела» А. А. Савича, 25 мая 1920 г. он сдал «удовлетворительно магистрантский экзамен» у профессора В. И. Веретенникова, а 25 октября — по истории Польши и средним векам.

Однако магистерский «цикл» вновь не был завершен. События гражданской войны на Волге, неустроенность быта и голод заставили Савича, уже зрелого 30-летнего мужчину, опять искать место, которое позволило бы не только реализовать творческие планы, но и просто материально обеспечить семью. Таким «местом» виделась родная белорусская земля. Как раз в это лихолетье в Минске активно шла подготовка открытия Белорусского государственного университета. И самой актуальной проблемой был подбор кадров. На данном этапе становления университета «поповское» прошлое историка не особенно беспокоило тех, кто подбирал кадры для БГУ. Но только на этом этапе.

Савич в БГУ: что было известно. В полной мере еще не состоявшийся ученый-историк был приглашен в Минск для того, чтобы «занять кафедру» российской истории вместе с такими «мэтрами», как Владимир Иванович Пичета и Дмитрий Алексеевич Жаринов. Однако А. А. Савич как историк-россиевед был крайне важен для БГУ в той общественно-политической ситуации. В столь многотрудно рождаемом белорусском университете, государственном по принципам формирования и финансирования, но национальном по духу, историю России должен был преподавать хотя бы один молодой и талантливый белорус. Документы тех лет называют его профессором, иногда доцентом. Но очевидно, что Савич в силу значимости своей педагогической и научной деятельности, даже определенной ее уникальности, воспринимался именно как профессор, обеспечивая чтение сложных лекционных курсов и ведение занятий по ключевым проблемным эпизодам развития российской государственности в направлении к абсолютизму, к империи. Вот перечень его учебных занятий, который зафиксирован в анналах университетской истории. Александр Антонович вел «просеминарии» по Русской Правде, истории царствования Петра I, «семинарий» по изучению летописных сводов, по чтению и анализу Наказа Екатерины II. К изучению этих учебных дисциплин студенты допускались только после того, как тот же преподаватель принимал у них коллоквиум по истории России XVI—XVII вв. или зачет по истории Смуты. Важно, что Савичу предметная комиссия педагогического факультета, членом и ученым секретарем которой он был сам, доверила чтение лекций студентам социально-исторического и этнолого-лингвистического отделений педфака по истории русской культуры, «культурных движений» в Беларуси в XVI—XVIII вв., Древней Руси, истории народного образования в Беларуси до XIX в. Помимо этого Савич вел факультативы по источникам и источниковедению России, «семинарии» по изучению московской политической литературы XVI в. и по изучению зарубежных сведений о России XVI—XVII вв., чтению и комментариям Соборного Уложения 1649 г.

Таким образом, с самого начала работы в БГУ Александр Антонович стал ведущим преподавателем российской истории и занял соответствующую кафедру. С его именем будет связано первоначальное научное и организационное обеспечение преподавания курсов истории России. В это время появились курс истории классовой борьбы, который в первую очередь основывался на примерах российской истории, курс истории России в эпоху империалистических войн и пролетарской революции. Так что научная квалификация Савича, специалиста по Смуте и «бунташному» XVII веку российской истории, насыщенному сложными социальными противоречиями и противостоянием имущих и неимущих, была весьма кстати. Правда, на короткий период поверхностного восприятия исторического прошлого в русле осуществляемых новой пролетарской властью революционных преобразований. Уже в скором времени будут резко изменены трактовки «классовых противоречий» прошлого, дабы еще более закономерным выглядел распад старой и рождение новой России. Знания того же А. А. Савича, а важнее всего — социальное поведение, если он хотел сохранить не только преподавательский статус, но и жизнь, должны были достаточно быстро претерпеть существенную корректировку в связи с оформлением доктрины марксизма-ленинизма в ее сталинском переосмыслении. Однако этого в полной мере так и не произошло.

И все же благодаря усилиям А. А. Савича и его коллег по «первому призыву в БГУ» постепенно оформлялся цельный учебный процесс. Ко второму году работы БГУ его профессора могли утверждать: «„исстрадавшаяся, разоренная, бедная и темная Белоруссия обрела, наконец, то, что является идеалом всего юношества и одновременно символом высшей культуры — свою Alma Mater — свой Белорусский Государственный Университет» [7, с. 364].

Трудное обустройство в БГУ и Минске. Россыпь информации о работе А. А. Савича в БГУ содержится в ряде фондов Национального архива, в изданиях начала 1920-х гг., что позволило составить

пока еще неполное описание «минского периода» жизни историка. Переезд Александра Антоновича в Минск в августе 1921 г. прервал сдачу остальных магистерских экзаме-

нов (по политической экономии и новой истории). Ему нужно было снова начинать этот путь — уже в качестве преподавателя русской истории БГУ. Определение же на эту должность было принципиально строгим, и «пропуском» стало не столько происхождение историка, сколько основательный научный послужной список. Савич представил во временное Правление БГУ свои исследования. Основными работами научного (буквально — «ученого») характера он считал «Русские униатские школы XVII—XVIII вв.» (а это была рукопись текста его магистерской диссертации в более чем 1600 страниц, признанной готовой к защите еще по окончании духовной Академии), 640-страничную работу «Русско-польские отношения в XVII в. (до Деулинского перемирия)» — также достаточно объемное исследование (240 страниц) — и «Культурные движения в Белоруссии и Украине в ХЛТ—ХЛП вв.» [4, л. 1].

Что же касается происхождения, то оно у Александра Антоновича вовсе не соответствовало классовым принципам и практике построения нового социума и формирования сознания его членов. Обычным был вопрос в анкете: «Кем были родители до 1917 года?» И не дай Бог — они были дворянами, священниками или просто зажиточными, «крепкими» хозяевами! Все они по тогдашним меркам «пролетарской ментальности» воспринимались как «классовые враги»! Но что творилось в их душе, в профессиональном разуме того ж историка? Далеко не все отразил любой источник того времени. Кое-что потом «всплыло» в «воспоминаниях и размышлениях» некоторых в особенности пострадавших интеллигентов. Вот и Са-вич никак не мог быть признан «своим» в белорусском, но все же пролетарском университете. И по документам можно ощутить, в какой сложной и тяжелой для него атмосфере он был вынужден выживать и профессионально, и просто физически. В его личном деле не содержится информация о родителях, об отце. Кадровики почему-то не настояли. На всякий случай? Чтобы не акцентировать внимание возможных «контролеров»? Но ведь всем было известно о «поповской» родословной историка и его богословской образованности. А профессор К. В. Харлампович, рекомендовавший молодого коллегу для работы в БГУ, по наивности даже посчитал это (проецируя подобные штрихи биографии и на себя) одним из высоких достоинств Савича, свидетельством его безусловной компетентности и образованности.

Поселило университетское руководство семью Савичей (Александр Антонович был женат на Ксении Николаевне и имел малолетнего сына) в так называемом «Доме № 4 БГУ» на улице Широкой (район современных улиц Коммунистической и Куйбышева). Здесь преподаватели БГУ, как вспоминал историк-академик В. Н. Перцев, временно размещались, из-за неимения лучших условий, вместе со студентами-рабфаковцами [8, л. 100]. Отметим важную для последующего рассмотрения деталь: ранее этот комплекс зданий принадлежал женскому епархиальному училищу. Условия проживания в доме по Широкой, как и в других подобных домах-общежитиях, были совершенно спартанскими. Было холодно, тесно, дряхлые стены и потолки постоянно грозили обрушением [9, л. 123]. Дом по Широкой красочно описан в одном из архивных листов: «„помещение на Широкой ул., только что отстроенное на месте бывшей бани, на сточной яме, с прогнившими от сырости стенами, без потолка в одной комнате, с целым рядом других достопримечательностей., это ад пыток, грозящий серьезнейшими заболеваниями» [10, л. 25]. Однако выбирать было не из чего.

Дополнительно Александру Антоновичу было разрешено работать в должности члена архивной комиссии в Академическом центре Наркомпроса. Видимо, в данном случае «комиссар» от наркомата учел, что историк не только превосходно владел белорусским языком (в анкете он назвал «родным» языком русский), но и говорил, читал и писал на чешском и польском, а также на древних классических языках. Для самого Савича эта должность давала возможность укрепить семейный бюджет, рассчитывать на дополнительные продуктовые пайки (к тому же он вступил в члены профсоюза работников просвещения Беларуси, а вот путь в партию, конечно, был для него закрыт) [4, л. 1а]. Зарплаты преподавателей позволяли рассчитывать лишь на выживание. Денежное вознаграждение напрямую зависело от коли-

чества читаемых курсов: до середины 1920-х г. существовала почасовая система оплаты труда, а не штатная. Правление БГУ нацеливало преподавателей даже на печатание учебных программ своих курсов с целью их распространения за деньги среди студентов. И вырученные деньги шли не только на социальные проекты (например, на помощь голодающим Поволжья), но и поддерживали самих авторов [11, с. 218].

Короткий период пребывания Александра Антоновича в БГУ вовсе не был «усыпан розами». Более того, ему пришлось выдержать не один удар судьбы. Прошлое все более и более довлело над таким нужным белорусскому университету специалистом. Благо, что это были только начальные годы «чисток». Кроме того, очевидно, А. А. Савичу покровительствовали достаточно сильные на те годы люди (прежде всего — ректор В. И. Пичета).

Рекомендация К. В. Харламповича. Злоключения начались уже во время первого слушания заявления Савича о приеме на работу в БГУ. Оно состоялось на заседании временного Правления 4 июня 1921 г. (за несколько месяцев до начала занятий). Без особых дискуссий его кандидатуру было решено представить в Государственный ученый совет (ГУС) на «замещение кафедры русской истории при БГУ» [4, л. 3]. В докладной записке в Главпрофобразовании РСФСР от 8 июня временное Правление, отметив свою работу «по обеспечению факультета общественных наук кадром», указало, что среди прочих ученых Казани, Киева, Харькова, Москвы и Петрограда имеется и «принципиальное согласие» со стороны А. А. Савича работать по «кафедре истории местного края» вместе с Ф. Ф. Туруком и В. И. Пичетой [12, с. 68—69]. Однако 16 июня временное Правление вновь вернулось к этому вопросу (видимо, ГУС обеспокоили некоторые графы биографии кандидата). Был заслушан отзыв-рекомендация профессора Казанского университета К. В. Харламповича о научных кондициях и политической лояльности молодого коллеги-земляка. И вновь решение было положительным. Для убедительности решили приложить к нему профессорскую рекомендацию и уже в таком виде направить вновь в ГУС на утверждение [4, л. 4]. Было отмечено и то, что А. А. Савич — один из «представителей видных научных сил русских университетов» [11, с. 203].

Наконец, 9 сентября 1921 г. ГУС утвердил 12 профессоров и 11 преподавателей ФОН БГУ. Но А. А. Савича среди них не было. Хотя впоследствии в отчете ректора В. И. Пичеты за первые месяцы работы БГУ было указано, что вместе с ним по кафедре русской истории в это время работали А. А. Савич и Д. А. Жаринов, а первый, кроме того, заведывал и «научным кабинетом» [13, с. 45—46, 118]. Но только 16 ноября 1921 г. отдел социально-экономического образования Главпрофобра при Наркомпросе РСФСР информировал Правление БГУ, что на заседании «научно-политической секции» ГУС от 18 октября постановили утвердить А. А. Савича преподавателем БГУ «по русской истории». Эта секция ГУС перерассмотрела свое предыдущее отрицательное решение от 9 сентября и все же вынесла положительный вердикт относительно «допущения» А. А. Савича к преподаванию в БГУ [4, л. 18; 14, л. 15]. Советская образовательная бюрократия только набирала свою мощь, но уже и тогда от принятия в прямом смысле слова «судьбоносных» решений до их реализации требовались долгие недели.

Представляется интересным в контексте рассказа о «вживании» в БГУ белорусского историка-россиеведа привести сжатое изложение рекомендации Константина Васильевича Харламповича. Она называет ряд важных биографических деталей. Сам профессор Казанского университета был родом из Гродненской губернии и происходил из семьи священника. (Отметим примечательный факт: вместе с названным выпускником 1853 г. Литовской духовной семинарии Антонием Савичем ее окончил некий Иосиф Харлампович). Это был авторитетный ученый, занимавшийся как раз схожими с А. А. Савичем научными проблемами российско-украинско-белорусской истории XVI—XVII вв., в том числе церковной. Свой отзыв он дослал еще 9 июня 1921 г., однако его, видимо, приобщили к «делу» только после требования ГУС. Профессор пишет, что «на правах белоруса, лично получившего лестное приглашение занять одну из кафедр в новооткрываемом Минском университете, осмелива-

ется выдвинуть кандидатуру Александра Антоновича Савича на кафедру русской истории». Харлампович не счел необходимым скрывать и даже подчеркнул тот факт, что его «протеже» не только коренной белорус, но весьма образованный белорус: «питомец Литовской духовной семинарии прошел 2 высшие школы: Петроградскую духовную академию и Московский университет по историко-филологическому факультету». Далее в рекомендации подчеркивается, что после университета Савич, как один из лучших выпускников, был оставлен для подготовки к магистерскому экзамену по русской истории «по программе, данной профессором М. К. Любавским и под ближайшим руководством профессора П. Н. Жуковича. Сам экзамен по обстоятельствам времени ему пришлось сдавать в Саратовском университете уже в 1921 году. Савич имеет готовую к печати работу "Школьно-просветительные средства и заботы западно-русской униатской церкви до падения Польши". Это — его магистерская диссертация, посланная в 1916 году в Петроградскую духовную академию, но не увенчавшая автора степенью за ликвидацией самой академии и до сих пор не напечатанная за типографской разрухой. Но насколько эта работа представляет зрелый научный труд, видно из того, что в Киеве было высказано намерение опубликовать ее в трудах Украинской академии наук, однако под условием перевода на украинский язык. По объему исследование Савича по истории униатской школы представляет рукопись в XX+1600 страниц.

Все это — и происхождение, и специальный интерес к западно-русской истории, и школа, пройденная под руководством известных русских историков П. Н. Жуковича и М. К. Любавского, и готовая диссертация, и звание магистранта русской истории, и некоторый преподавательский опыт в высшем учебном заведении, — все это дает достаточное основание рекомендовать А. А. Савича к занятию кафедры русской истории на правах приват-доцента в Белорусском университете» [4, л. 7, 7 об.].

Университетский статус историка. К концу сентября 1921 г. Правление БГУ констатировало, что переезд «профессора Савича» в Минск состоялся, о чем свидетельствовало прибытие из Саратова его багажа и принятие на учет Минским военкоматом, хотя до этого он никакого отношения к военному делу не имел [4, л. 11, 13]. Необходимо уточнить, что Савич был принят в БГУ именно как преподаватель, но не профессор. Хотя в то революционное время всякая строгость в ученой титулатуре была не только утеряна, но официально ликвидирована. Его коллега по БГУ Д. П. Кончаловский в своих воспоминаниях весьма просто обозначил, как после 1917 г. формировался кадровый потенциал советских университетов. Ссылаясь на декрет от 7 октября 1918 г., он язвительно рассуждает о «провинциальных» советских университетах, в том числе и о БГУ. Не без сарказма истинный «старый» профессор замечает, что большинство так называемых профессоров «не имели никаких степеней, но почти все были авторами популярных статей, брошюр и книжек...», хотя были и такие, кто «не имел никаких печатных "трудов" и производил впечатление людей весьма легковесных в смысле знаний». И профессором «мог сделаться всякий, хотя и после признания "профессорской коллегией вуза"». Таким образом «профессорами делались» приват-доценты, ассистенты, лаборанты, учителя гимназий — лишь бы были они «людьми толковыми и имеющими какие-либо специальные познания» [15, с. 159, 164—165].

Для восприятия же первыми студентами БГУ своих профессоров важнейшим критерием являлся их научно-педагогический авторитет. И Савич был вне всякой критики со стороны своих учеников. Так, студент ФОНа первого набора В. З. Метлин не без восторга писал в своих воспоминаниях, что основная часть преподавателей в БГУ приглашалась из российских университетских центров, хотя часть — «из местных наиболее прогрессивных и квалифицированных преподавателей средних учебных заведений. Некоторым из них через 1—2 года Наркомпрос БССР присвоил звание профессора» [16, с. 4]. Первая «кагорта» профессуры БГУ воспринималась его студентами с чрезвычайным пиететом. Даже по прошествии многих лет об этих «старых» интеллигентах выпускники университета отзывались с востор-

гом и даже с некоторым преувеличением. Тот же А. А. Савич хоть и называется «доцентом» применительно к 1921 г., но в воспоминаниях 1950-х гг. бывшего студента 1920-х он — «ака-дэмік», «вядомы цяпер як буйны савецкі гісторык» [17, с. 5]. Авторитетным профессором Александр Антонович был и для коллег, например, того же Д. А. Жаринова [18, л. 43 об.].

Поэтому каждый сколь-нибудь проявивший себя на учебно-научном поприще мог рассчитывать на должностную академическую вершину. Тем более при наличии некоторых научных работ и лояльности к новой власти. Все эти аргументы были и у А. А. Савича. Но сразу стать профессором БГУ ему не позволили. Поэтому совершенно понятно, почему в личном деле историка его служебное удостоверение вплоть до 11 марта 1922 г. пестрит отметками о продлении срока пребывания обладателя «в должности преподавателя русской истории» БГУ В новом документе, выданном Савичу, под датой 23 марта 1922 г. внесена запись «является профессором по основной профессии, с другими профессиями не знаком. Состоит членом профсоюза Рабпрос». В справке от марта 1923 г. он указан как профессор [4, л. 14, 23, 27].

Дело весьма неблагоприятное найти в бисере документального материала точные обозначения университетского статуса первых его преподавателей. На всем протяжении 1921—1924 гг Александр Антонович даже в тогдашних официальных документах называется то так, то иначе. Что уж говорить о различного рода личностных зарисовках и рассуждениях, в том числе представителей руководства БГУ.

Работать напряженно, но притаившись. Отметим одну особенность: в ряде случаев, когда фамилия Савича обязательно должна была быть обозначенной, ее почему-то опускали. Приходится думать, что это делалось из соображений или личного отношения к «классово чуждому» коллеге, или для его же пользы — чем менее приметен интеллигент с такой родословной, тем больше шансов у него удержаться в своем советском служебном статусе. Так, заместитель ректора С. З. Каценбоген в подробной официальной статистике по БГУ дал исчерпывающую информацию и «послужные списки» на многих преподавателей. Но о А. А. Савиче ни слова! Только при представлении учебного плана педфака он назван в трех его позициях: как лектор-преподаватель по курсу «Культурные движения Белоруссии», как преподаватель «просеминария по истории Петровского царствования» и «семинария по толкованию Наказа Екатерины II». Философ же С. Я. Вольфсон в представлении ФОНа для

белорусской общественности достаточно условно назвал А. А. Савича «лектором по педагогическому отделению» этого факультета, читающим курс «История крепостной России» [19, с. 13]. В то же время Савич принимал самое деятельное участие в работе с абитуриентами второго набора БГУ и был членом двух испытательных комиссий: по математическим и естественным наукам и по гуманитарным наукам. Ему пришлось принять экзамены у многих сотен молодых людей, стремившихся стать студентами БГУ, а поэтому быть публичным человеком [20, л. 28].

Ск удная информация проведена и по другим документам, в том числе и о научно-популяризаторской деятельности историка. Ведь, по замыслу ректора, БГУ должен был стать «центром общественной жизни Беларуси» [21, с. 71]. Однако Савич-общественник слабо просматривается в имеющихся в нашем распоряжении документах. То ли это была его личная позиция, то ли Правление университета, в котором учитывалось не только мнение ректора, не слишком рассчитывало на способности Савича-трибуна. Заметить его можно только как популяризатора тех знаний, которыми он в совершенстве владел, или в научных дискуссиях. У того же С. З. Каценбогена в отчете о деятельности Научного общества БГУ А. А. Савич назван как оппонент В. И. Пичеты по докладу ректора о книге Виппера и как докладчик на заседании общества 1 марта 1922 г. по теме «Культурная борьба в Белоруссии в XVI в.» (тут уж ему оппонировал Пичета) [22, с. 233, 246, 273]. Савич не мог не присутствовать на дискуссии, устроенной 12 февраля 1922 г. по докладу В. И. Пичеты «Основные моменты в развитии русской интеллигенции», когда С. Я. Вольфсон обрушил на и так смятенные умы университетских интеллигентов призывы «сбросить с себя ветхого Адама контрреволюционности и

облачиться в советские одежды» [7, с. 215]. Как не мог не быть в актовом зале «Дома № 3 БГУ» на торжествах по случаю первой годовщины БГУ. Зал был увешан красными знаменами, за столом с красной скатертью ректор говорил о «колоссальной работе, проделанной красной профессурой и Красной молодежью», но уточняя, что «среди профессуры не многие марксисты». Уж Савич-то точно не «накопил традиции советские, революционные, марксистские» [23]. Особенно в обществе, в котором и после окончания гражданской войны не спадали психологическое напряжение, всеобщее недоверие и враждебность к явным и скрытым врагам. Да и власть уже хорошо разбиралась в тех, кто и впрямь предан ей, а кто лишь имитирует лояльность, попросту стремясь выжить в экстремальных условиях.

А. А. Савич хоть и не олицетворял подобный преподавательский идеал, но наукой занимался напряженно. Его участие в создании первого университетского научного печатного органа — «Трудов БГУ» — вне всякого сомнения. Он был одним из 10 членов «комиссии по предметам историческим», которая 25 ноября 1921 г. принимала подобное решение. Его имя названо в списке участников создания журнала, направленном «для проверки и информирования» в ГПУ при ЦИК ССРБ, он был одним из авторов первого и второго выпусков «Трудов» [24, л. 37]. С результатами своих научных изысканий историк не раз выступал на заседаниях Минского общества истории и древностей, которые проходили в «Доме № 1 БГУ» по ул. Ско-белевской. Только в течение ноября 1921 г. — февраля 1922 г. он сделал доклады на тему: «Униатские школы в Минском крае в XVII веке», «Школы и женское образование в польско-литовском государстве в XVII—XVIII вв.», «Эдукационная комиссия и униатские школы в польско-литовском государстве (1773—1795)» [7, с. 218].

Замечен был Александр Антонович и как один из докладчиков на вечере, проведенном 9 февраля 1923 г. по случаю представления интересующейся публике истории российского флота. Конечно, рядом с ним перед пролетарской аудиторией выступали В. И. Пичета и Д. А. Жаринов [25, л. 9]. Университетский россияевед должен был откликнуться и на такое важное политическое событие для его родины, как «первое укрупнение БССР». Возможно, только в третий раз Александр Антонович принял участие в подобном политически остром мероприятии — выступил в марте 1924 г. на чрезвычайном заседании Правления БГУ с приглашением делегатов Чрезвычайного VI Всебелорусского съезда Советов. И, как его 6 коллег — активных общественников, — сделал доклад [26, с. 17]. В первый раз его участие в общественно важном мероприятии документально зафиксировано 18 марта 1922 г.: Савич участвовал в заседании Совета БГУ по обсуждению вопроса о возврате Польше культурных ценностей, «вывезенных из ее пределов в XVIII в.». Александр Антонович даже выступал и был включен в комиссию по выработке «взвешенного» решения. С его участием такое предложение от имени Совета было найдено: признать правомерность требований польской стороны, но выразить протест «против домогательств» на выдачу тех ценностей, которые являются «достоянием всемирной культуры» или же имеют «ближайшее отношение к истории и культуре белорусского и других народов» [12, с. 127—128]. Второй же раз, 30 апреля 1923 г., Савич зарабатывал себе репутацию общественника, когда вместе с В. И. Пичетой, С. Я. Вольфсоном и Ю. И. Марконом выступал на общем собрании преподавателей и студентов БГУ по поводу протеста против «бесчинств польских властей над национальными меньшинствами в области образования в Западной Белоруссии» [27].

Ректор не раз давал лестные характеристики своим коллегам, в особенности тем, кого он сам приглашал на работу в БГУ. Так, в речи, посвященной первому выпуску студентов БГУ, он назвал 17 фамилий наиболее значимых для университета преподавателей, а о Д. А. Жари-нове сказал, что тот знакомил студентов «з проблемами Расійскае гісторыі з боку марксыстс-кага погляду». Можно предположить, что Савич был далек от такого «погляду», что стало одной из причин его отъезда из Минска. Правда, сам он не убоился направить с далекого Урала приветствие по случаю первого выпуска, а руководство БГУ — поместить его в специ-

альном сборнике. Одной строкой он писал в телеграмме: «Приветствую первый выпуск общественников. Владимиру Ивановичу, профессорам, студентам желаю дальнейшей продуктивной работы на благо Белоруссии. Профессор Савич (Пермь)» [28, с. 20, 29].

Политико-идеологические игры, в которые приходилось играть белорусской интеллигенции, не могли скрыть объективную оценку значимости для БГУ историка-белоруса. В статье для республиканского журнала Пичета отметил, что из-за отсутствия в Беларуси своего «Унівэрсытэту» изучение прошлого Беларуси вели российские историки. И был приведен целый ряд звучных имен: от Н. И. Костомарова до М. В. Довнар-Запольского, от М. К. Любав-ского до М. С. Грушевского. Среди названных была упомянута и фамилия Савича [29, с. 145]. Возможно, такая честь была оказана еще «нетитулованному» историку не только из-за того, что он был настоящим специалистом, но и опять же, как и названные маститые коллеги, не проявил себя как истый марксист. Но он был настоящим «белорусистом», и его белорусизация не нуждалась в тогдашних политических понуканиях. Не зря он в восприятиях коллег и через десятилетия был не только белорусом по происхождению, но и преподавателем именно «гісторыі Беларусі». По истечении лет восприятие научных занятий Александра Антоновича перешло и на область его учебных курсов. Это восприятие подкреплялось оценкой А. А. Савича как педагога — знатока белорусской истории. Он назывался в ряду безусловных авторитетов в этой области — В. И. Пичеты и М. В. Довнар-Запольского. Эти три историка в одинаковой степени «рабілі моцны ўплыў на слухачоў сваёй гістарычнай эрудыцыяй» [30].

Командировочные эпопеи. Как отмечено, Александр Антонович, занимая «кафедру русской истории», не очень стремился обозначить свою гражданскую позицию. Имеющиеся в нашем распоряжении документы дают основание отметить даже очевидную «гражданскую пассивность» университетского гуманитария, в отличие от старших по ученому званию рос-сиеведов. Тогда как весь преподавательский коллектив и все студенчество молодого БГУ были подвигнуты не только на освоение научных вершин, но и на привнесение в самые широкие, но трудовые массы света знаний, правды о революционных преобразованиях, Александр Антонович был больше увлечен академическими штудиями и чтением лекций.

Ради науки Александр Антонович был готов преодолеть всякие преграды. Прежде всего — финансовые и административные. Отдушиной для всех университетских ученых были научные командировки. Стоит даже удивляться их энтузиазму, как и разумной позиции, которую занимало белорусское партийно-советское руководство, не говоря уже о руководстве БГУ. На командировки ученых изыскивали чуть ли не самые последние «копейки». Но и спрос с них был основательный. Они были обязаны представить не только детальный отчет о проделанном, но и внедрять полученные новые научные знания в учебный процесс, в научные работы, которые воспринимались прежде всего через публикации и через дискуссии на заседаниях Научного общества БГУ или Общества истории и древностей.

По заявлению в Правление БГУ от 23 мая 1922 г. А. А. Савич сообщал, что для его научной работы по «истории великой Московской смуты», а также для подготовки к университетским занятиям в будущем академическом году ему необходимо поработать в Петроградской госбиблиотеке, в рукописном отделении Академии наук, в Московских архивах (бывших иностранных дел и юстиции) и в Румянцевской библиотеке. Поэтому историк испрашивал разрешение на научную командировку в летний период с предоставлением для этой цели денежного пособия. И Правление буквально через два дня такое разрешение дало, правда, выдав в виде «командировочных» месячный майский оклад А. А. Савича и затребовав представить подробный доклад о научных результатах командировки. Это решение еще раз подтвердили через месяц (принятые в БГУ решения должны были согласовываться на различных высоких уровнях, вплоть до московских инстанций) [4, л. 15, 24].

Данная научная командировка для историка была омрачена тяжелой болезнью отца. В августе 1922 г. Александр Антонович из Москвы послал заявление в Правление университета

изыскать денежные средства и передать их жене (в счет аванса по его окладу) для покрытия «громких расходов» в связи с необходимостью лечения и содержания семьи. Отметим однако, что сам А. А. Савич, несмотря на эти обстоятельства, собирался все же продолжить свои научные поиски в библиотеках и архивах столицы (он работал одновременно с В. И. Пичетой, который по служебной необходимости возвращался в Минск и успел лично подписать заявление своего младшего коллеги с положительной резолюцией) [4, л. 20—21]. Вторично историк испросил разрешение на командировку в Москву (совместно с Н. Н. Щекотихиным, М. Н. Пиотуховичем и А. Н. Вознесенским) у руководства педфака, которое ходатайствовало перед Правлением БГУ. В декабре 1922 г. такое разрешение было получено с выделением каждому из командируемых по 200 млн. рублей [31, л. 29].

Административно-бюрократические и научные параметры подобных «служебных командировок» более подробно можно осознать на примере следующей поездки Савича в Москву и Петроград летом 1923 г. Как и годом ранее, Александр Антонович загодя написал заявление с указанием необходимости своего командирования в научные центры уже СССР. На сей раз это было обращение в деканат педфака БГУ от 23 апреля 1923 г. — «для продолжения своей работы по истории московско-польских отношений в первой четверти ХЛТ в. необходимы занятия в бывшем Московском главном архиве иностранных дел и в рукописном отделении Петроградской публичной библиотеки». На заседании Правления БГУ 2 мая рассматривалось обращение декана педфака и было решено «признать необходимым предоставить профессору Д. А. Жаринову и преподавателю А. А. Савичу просимые ими научные командировки в Москву на время летних каникул». Тем более что последний «назначенные по расписанию зачеты по своему предмету уже провел, но если же будут еще желающие сдавать зачеты, то принимать их вместо преподавателя согласился профессор В. И. Пичета» [4, л. 28]. Приходится только восторгаться этикой взаимоотношений между университетскими коллегами!

Как обычно встал вопрос о денежной компенсации на командировку, и Александр Антонович скрупулезно подсчитал, что только «одни путевые расходы превысят месячный оклад» университетского профессора. Руководство БГУ с пониманием оценило запрошенную сумму в 1,5 тыс. рублей на проезд в Петроград и Москву и выдало ее. Уже потом, находясь еще в Москве, Александр Антонович вспомнил, что ему потребуется бумага из БГУ для того, чтобы быть допущенным в Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки в Петрограде для изучения материала по истории «Великой Московской смуты». Кроме того, он и его молодой коллега по БГУ, преподаватель логики С. А. Аквилонев, запросили выслать им «студенческие скидки» на льготный проезд из Москвы в Петроград и из Петрограда в Минск. Очевидно, что столичная жизнь основательно поиздержала советских провинциальных преподавателей: обращение в Минск заканчивалось несколько по-библейски — «Итак, ждем от Вас того и другого как манны небесной». Скорее всего, предприимчивый Аквилонев был инициатором затеи о «студенческих скидках» и вовлек в эту аферу своего старшего коллегу, который также обнищал от московской жизни, хотя и жили оба в достаточно экономном «Доме ученых» на Пречистике. Об афере можно говорить в связи с тем, что заявители предложили Правлению БГУ выслать им в подкрепление льготных студенческих проездных также и «аналогичные студенческие удостоверения личности» [4, л. 28—29].

Савич и «проделки» Аквилоневы. Вообще, командировка А. А. Савича в Москву вместе с несколькими коллегами напоминает историю с неким налетом криминала. Об этом можно судить, вчитываясь в обширные страницы «личного дела» С. А. Аквилоневы: уже странно то, что скромному ассистенту кадровики БГУ уделили столь пристальное внимание. Просто кратковременное пребывание преподавателя логики в Минске обросло массой всевозможных конфликтных ситуаций. Его авантюризм, если правильно поняты прочитанные архивные страницы, вовлек в аферу и доверчивого А. А. Савича. Кроме уже названного примера можно привести и «дело о продуктовых посылках Московского отделения организации

Джойнт». Правление БГУ долгие месяцы пыталось выяснить, куда подевались выданные в мае 1923 г. Московским отделением «профессору» Аквилоневу для 4 профессоров Беларуси, командированных в Москву, «4 Аровские продуктовые посылки на сумму 40 долларов». Ему затем для тех же профессоров дали ордера на получение «продуктов из склада Моссельпро-ма» на сумму 4 тыс. и 3 тыс. рублей. На этом конкретика закончилась и начались выяснения, куда же исчезли и посылки, и деньги. Правление БГУ 11 декабря 1923 г. не нашло ничего более конструктивного, нежели приостановить выплату содержания Аквилоневу и запросить по этому поводу Наркомпрос БССР [4, л. 24]. После этого началась длительная переписка обвиняемого в хищении ассистента с различными образовательными инстанциями. В качестве объекта нападков со стороны Аквилоневы стал сам ректор В. И. Пичета, который якобы «истолковал в дурном смысле» сложившуюся ситуацию. Объясняя ее, Аквилонев признал, что вместе с А. А. Савичем был в Москве с 16 июня, и они получили продукты «по их ходатай-

ству и использовали их согласно назначению». Далее Аквилонов столь убедителен в своих объяснениях ситуации, что нельзя не процитировать его. «Однако университет выделил деньги только на проезд. Получаемое же незначительное жалование приходилось отчасти уделять семье. Даже при жизни на льготных условиях в общежитии ученых Цекубу означенных средств далеко не хватало на существование в Москве, и они принуждены были обратиться за поддержкой в комитет Джойнта. Сначала им были отпущены обеды, но так как хождения за обедами при усиленной работе были очень утомительны, то они, извинившись, отказались от пользования обедами. Тогда обеды им заменили продуктами» [32, л. 26].

Правда, эти и иные доводы не убедили ни Правление БГУ, ни следователя по важнейшим делам при Наркомате юстиции БССР. Последний вообще запросил у университета дать на Аквилонова обширную справку, в которой было бы сказано и о профессорах, контактировавших с обвиняемым [32, л. 27]. И прокуратура получила однозначную информацию: в Москве вместе с Аквилоновым находился А. А. Савич, хотя «в летнее каникулярное время 1923 г.» были в научных командировках в Москве профессора университета В. Н. Ивановский и Д. А. Жаринов, как и преподаватели А. Н. Вознесенский и В. В. Якунин. Однако все намерения карающих органов БССР наказать преподавателя-авантюриста оказались тщетными. Он, видимо, поняв ситуацию и ее последствия, не без молчаливого согласия Правления БГУ уволился и оказался в далекой Самаре. И «дело» на этом для него прекратилось. Но вот Савичу данный инцидент вовсе не способствовал адаптации в закипавшей национальными и общесоветскими идеологемами родной Беларуси. Эти обстоятельства второй половины 1923 г. стали одной из причин его ухода из БГУ «по болезни» и отъезда в далекую Пермь.

Еще более серьезными и опасными для властей были церковные «увлечения» Александра Антоновича. Точнее — убеждения глубоко верующего человека. На этой почве он опять-таки сблизился с Аквилоновым. Правда, последний вряд ли был ровней ему: имеющиеся материалы больше позволяют оценить поведение университетского молодого философа как некое фиглярство, умышленное провоцирование властей на почве развертывающейся антицерковной политики. Так, сообщалось, что «Аквилонов принимал активное участие в церковном движении и тем самым ставил университет в весьма неудобное положение, устраивал у себя на квартире, в помещении университетского общежития по Широкой улице, собрания церковников», «вопреки требованию Устава он устраивал в здании университета собрания научных сотрудников, однако не спрашивая на это согласия Правления». Более того, этот преподаватель «был арестован органами милиции на паперти Собора во время склоки между церковниками». Для нас важно, что и А. А. Савич был замечен в церковных «сходках», которые организовывал, по словам заместителя декана педфака, известного профессора-религиоведа Н. М. Никольского, Аквилонов — «бесполезный научный сотрудник» [32, л. 18]. Вряд ли стоит удивляться, что эти «собрания церковников» проходили по месту жительства двух университетских преподавателей. Аура бывшего женского епархиального

училища способствовала тому: в здании теперь уже университетского общежития даже сохранились церковные колокола! [33, с. 109]. То есть можно предположить, общественная составляющая историка больше реализовывалась в данном, столь враждебном новому строю направлении. Поэтому тихое вытеснение Александра Антоновича из БГУ было наиболее благоприятным исходом его пребывания в Беларуси.

Векторы научных интересов. Несмотря на все детективные обстоятельства московской командировки 1923 г., ее главной составляющей была научная работа. Та же рекомендация в петроградскую библиотеку была выслана незамедлительно, а вот «липовые» документы нет. Поэтому А. А. Савичу вскоре пришлось вновь обращаться в Минск: «испытывая недостаток в деньгах в виду московской дороговизны», он просил разрешить выдать аванс в сумме 1,5 тыс. рублей (в дензнаках 1923 г.) и передать его своей жене. На заседании Правления БГУ от 31 июля 1923 г. было решено пойти навстречу просителю и выдать аванс «в счет его жалования в размере июльского содержания» [4, л. 31, 32]. Конечно, подобное решение сегодня вряд ли кого-либо из нас могло удовлетворить.

Отчитаться же за итоги командировки Савичу пришлось основательно, хотя это и было его каникулярное время, а денежное сопровождение ограничилось известной и ныне графой «на проезд». Из отчета видно, что целью его занятий в Петрограде и Москве было окончание работы по истории «московско-польских отношений за Смутный период (1600—1619 гг. включительно)». Для этого историк произвел основательный обзор архивных фондов и изучил польскую историческую литературу по вопросам Смуты. В Москве некоторый материал удалось извлечь из Архива бывшего министерства юстиции (Савич напоминал, что архивный фонд нужного содержания, хранящийся в Архиве иностранных дел, изучен им в предыдущую командировку) и военного архива. Но больше всего в

Москве ему пришлось заниматься изучением печатных изданий, источников и пособий, которые отсутствовали в Минске.

В Петрограде Александр Антонович был представлен профессору С. Ф. Платонову (надо полагать, по рекомендации В. И. Пичеты), который не только был благожелателен к минскому коллеге, но и познакомил его с обширной перепиской «польско-литовского короля Си-гизмунда III с литовским канцлером Львом Сапегой, начиная с 1598 года», хранящейся среди рукописей Государственной археографической комиссии. С нескрываемой радостью Александр Антонович указывал, что этот источник еще не был предметом специального изучения, и поэтому удалось сделать ряд интересных выводов по вопросу о роли в ходе московских дел начала ХЛП в. знаменитого литовского канцлера. Большое значение для его работы имели и занятия в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки, где удалось найти любопытные данные относительно московско-польских переговоров под Смоленском около 1615—1616 гг. Важно, что поездка в Петроград позволила Савичу обсудить свои научные выводы совместно с крупнейшим специалистом истории Смуты С. Ф. Платоновым и «отчасти убедиться в правильности некоторых своих положений, отчасти же оппонент остановил его от некоторых рискованных выводов».

В целом Савичем был закончен обзор польских источников, но главное — он завершил свою работу по истории «московско-польских отношений в начале XVII в.» и готов был в скором времени представить ее «для разборки» тому же С. Ф. Платонову и другому крупному специалисту в данной области — профессору А. Е. Преснякову. Из отчета Савича следовало, что вся проделанная работа имела значимую цель: защита указанной рукописи в качестве диссертации или в Петроградском университете, или в «Московском исследовательском институте» [4, л. 33]. Нельзя не отметить определенную универсальность знаний белорусского историка, круг его научных интересов. Будучи в Петрограде и Москве, он занимался и другой своей работой — «историей культурных движений в Белоруссии и Украине в ХЛП—ХЛТТ вв.». И ее он сумел завершить в каникулярное для своих коллег время. По приезде в Минск рукопись, полностью подготовленная к печати, была передана для оппонирования самому В. И. Пичете.

Отчет был подготовлен и Савичем осенью 1923 г., но рассмотрен и утвержден Правлением БГУ только 19 февраля 1924 г., когда решался вопрос об оставлении БГУ и Минска [4, л. 33 об., 34].

Научная увлеченность Александра Антоновича иногда приводила к казусным ситуациям. На нескольких заседаниях Правления БГУ зимой-весной 1923 г. прошли «разборки» поведения университетского историка в связи с поступившей жалобой от заведующего Центральным архивом БССР Д. Ф. Жилуновича (Цішка Гартны), доведенной к тому же и до сведения президиума ЦИК Советов БССР. В жалобе указывалось, что «преподаватель БГУ А. А. Савич взял из помещения Архива различного рода вещи, книги и рукописи». Разумеется, Правление университета предложило Александру Антоновичу возвратить взятое из Архива и представить письменные объяснения, в том числе в ЦИК. Как оказалось, некоторые архивные материалы уже были переданы для изучения коллегам — А. Н. Вознесенскому и Н. М. Гут-ковскому [4, л. 22, 25, 28]. Остается лишь констатировать: «профессорская забывчивость» — удел увлеченных наукой исследователей.

Завершение первого «минского» периода. Как бы там ни было, позиция и поведение А. А. Савича, не говоря уже о его «родословной», с нарастающей силой беспокоили руководство университета, как и всей республики. Но еще в начале 1924 г. он активно участвовал в заседаниях исторической предметной комиссии и обсуждал в январе доклад В. И. Пичеты «Первые отклики дворянства на крепостную реформу. А 25 февраля вместе с коллегами искал наилучший вариант экспозиции планируемого к открытию первого университетского музея — истории культуры и религии [34, л. 3, 16]. Когда в начале марта 1924 г. БГУ представил в академический центр Наркомпроса БССР сведения об университете для публикации их в готовящемся сборнике, то было отмечено, что «по национально-культурному направлению» и краеведению работу проводят ряд профессоров, в том числе и А. А. Савич — специалист в области «истории образования в Беларуси» [35, л. 9]. Но уже в списках педфака на 1923/24 учебный год его фамилия перечеркнута, а в общих списках профессорско-преподавательского состава и научных работников БГУ на июнь 1924 г. этот столь серьезный «специалист» и вовсе не значился [36, л. 77; 37, л. 366—367].

Представляется, что именно в февральско-мартовские дни 1924 г. было найдено взаимоприемлемое решение: всем известное «заявление по собственному желанию». Его и написал Александр Антонович весной 1924 г., а уже скоро, 8 апреля, оно было рассмотрено Правлением БГУ, которое «освободило преподавателя Савича от работы по болезни» [38, л. 31]. Можно только предположить, что условия проживания на улице Широкой и для 34-летнего мужчины оказались суровыми. Однако «лечиться» почему-то белорусский историк спешно уехал на совсем не курортный Урал. Через

несколько лет, когда ему придется вновь искать безопасное место, в Минске вспомнят его непролетарское происхождение, а заодно и якобы контрреволюционную сущность. Его же близкий коллега, ранее названный Вольфсон, в центральной белорусской прессе в 1932 и 1934 гг. разразится испепеляющими, но однообразными панегириками о том, что «Университет видел на своих кафедрах и контрреволюционеров, использовавших свой переезд в Минск только для того, чтобы переброситься в белую эмиграцию — Вейцман, Лепешкин; черносотенцев-великодержавников разных цветов от Савичей до Парменовых» [39, 40]. Вряд ли эти пасквили дошли до Урала, однако у А. А. Савича в это время складывалась новая не менее сложная ситуация в Перми.

Очарование Пермью. Александр Антонович оказался на университетской кафедре, которую создал в Перми еще в 1916 г. будущий «законодатель мод» советской русистики Б. Д. Греков. Белорусисторик был в ее штате с 1924 по 1931 г. и читал уральским студентам лекционные курсы по истории России, но главное — первым разработал и стал вести на педагогическом факультете курс по истории Урала. Его квалификация и человеческие качества вскоре явились основанием для избрания на должность заведующего кафедрой русской истории Пермского университета. В 1931 г. А. А. Савич вынужден был сменить университет на Перм-

ский индустриально-педагогический институт, продолжив там работу в качестве заведующего кафедрой уже истории народов СССР. В Беларуси в это время шел схожий процесс, когда бывшие коллеги-гуманитарии Александра Антоновича также переходили из «разукрупненного» БГУ в созданный на базе университетского педагогического факультета Минский пединститут (в БГУ осталось лишь несколько естественнонаучных специальностей).

По описаниям тогдашней Перми, этот город качественно отличался от Минска. Тогдашний первокурсник (1929) отделения русского языка и литературы Пермского педагогического института Сергей Васильевич Тураев (в последствии — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации), слушавший лекции А. А. Савича, достаточно образно и точно описал и Пермь, и его пединститут начала 1930-х гг.: «Пермь меня очаровала. Весь центр был застроен зданиями по индивидуальным проектам. Многие дома были красиво отделаны. Чистые ухоженные улицы. Внушительным было здание Педагогического института, украшенное куполом. Замечательный вид открывался с берега Камы. Шумной была пристань, где пришвартовывались как пассажирские суда, так и баржи, груженные арбузами из Астрахани». Можно предположить, что бытовые условия «профессорского» дома по ул. Широкой в Минске историку снились лишь в кошмарном сне.

Отмечалось, что основные научные интересы А. А. Савича, сформировавшиеся в Саратове в силу происхождения, необходимости найти гармоничное и непредвзятое сопряжение отечественной белорусской истории с также отечественной историей всей России, им были расширены в годы работы в БГУ. Однако отъезд из Минска на Урал радикально изменил направление творческих устремлений историка: он занялся исследованием российской колонизации европейского Севера, Урала и хозяйственного освоения Прикамья, крестьянского и рабочего движения в этом регионе России. По существу, он создал научную школу пермских историков-ураловедов. И как ученый, и как педагог-лектор Александр Антонович пользовался неизменным успехом и популярностью у студентов. Так, по воспоминаниям того же С. В. Тураева, он и его однокашники «С большим интересом <...> слушали лекции по русской истории XVIII века Александра Антоновича Савича. Он не просто пересказывал факты и события, а великолепно передавал колорит эпохи».

Наука — превыше всего. Немаловажной была и краеведческая деятельность уральского профессора. Он являлся заместителем председателя научного краеведческого общества — Круга по изучению Северного края при Пермском университете, был одним из членов-учредителей Пермского этнографического общества, членом Пермского общества краеведения, а также членом Общества исторических, философских и социальных наук при ПГУ. Он проявлял активность на этом столь популярном и важном тогда научном поприще, выступая с научными сообщениями по истории и культуре Урала, анализируя причины и последствия антикрепостнических выступлений на этой территории России, делал доклады по проблемам историографии. Некоторая часть этих сообщений была опубликована в виде статей. Например, отдельной брошюрой в 1929 г. вышла работа А. А. Савича «Главнейшие моменты монастырской колонизации русского севера XIV—XVII в.» (Пермь : Тип. изд-ва «Звезда», 1929). Она представляла собой очерк или, точнее, первую вводную главу из уже подготовленной монографии «Северно-русский монастырь XIV—XVII в.». Вся работа появится в скором времени в III-м выпуске «Сборника Общества истории, филологических и социальных наук при Пермском университете» (Пермь, 1929).

Среди крупных исследований Александра Антоновича можно назвать монографии «Прошлое Урала: Исторические очерки» (Пермь, 1925) (этот систематизированный курс лекций был первым

обобщающим историческим исследованием о крае — от заселения Урала человеком и до конца ХХ в.), «Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском Севере в Древней Руси» (Пермь, 1927), «Очерки истории крестьянских волнений на Урале XVIII—XX вв.» (М., 1931), значительные по

объему статьи «Пугачевщина на Урале» (Экономика. 1925. № 1), «Из истории монастырской колонизации и хозяйства на Урале XVI—XVII вв.» (Пермское краеведение. Пермь, 1928. Вып. 4) и многие другие работы, вышедшие в научных сборниках Урала — «Тайное «Общество вольности» на Чермозском вотчинном (Лазаревском) заводе 1836 г.», «Из истории крестьянских волнений на Урале в первой половине XIX в.», «Монастырское землевладение на русском Севере XIV—XVII вв.» и др. Рассматривая, например, научные достоинства такой работы историка, как «Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв.», можно оценить определенную смелость Александра Антоновича. Он пытался отойти от умиленных и восторженных оценок всего, что было связано с «борьбой классов». Используя основательную источниковую базу, архивные материалы, исследователь на цифровых выкладках доказывал, что уровень организации работных людей, а тем более крестьян, их устремления и сплоченность для борьбы вовсе не столь высокие, чтобы напрямую видеть в ту крепостную эпоху предтечу революционных потрясений начала XX века. По-своему А. А. Савич также анализировал события пугачевского движения на Урале и в Прикамье.

Работая в Перми, историк не оставил своих творческих увлечений саратовско-минского периода. Его по-прежнему интересовали проблемы генезиса общественной мысли и образования в России, Украине и Беларуси XVI—XIX вв., истории международных отношений и внешней политики России в XVI—XVII вв. Им были опубликованы «Нариси з історіи культурних рухів на Вкраїні та Білорусі в XVI—XVIII вв.» (Киев, 1929), «Деулинское перемирие 1618 г. (Из истории польской интервенции нач. XVII в.)» (Ученые записки Мордовского государственного педагогического института им. К. Либкнехта. Серия историческая. 1939. Т. 4).

Разочарование Пермью. В 1932 г. Александр Антонович в очередной раз оказался в поле зрения «компетентных органов». Белорус на Урале, да еще со столь специфическим «послужным списком» не мог не заинтересовать местных борцов за чистоту рядов «старой» интеллигенции. На основании того, что историк якобы проводил «антимарксистские установки в своих научных трудах» и не обеспечивал «преподавание своего предмета на основе марксистско-ленинской методологии», он был «отчислен» от занимаемой должности профессора Пермского пединститута. Об атмосфере, сложившейся в институте, можно в какой-то мере составить представление по прочтении романа Г. Р. Коновалова (он был одним из студентов, слушавших лекции А. А. Савича в Пермском пединституте) «Университет», в котором с «нужных позиций» (роман был опубликован в журнальном варианте в 1947 г., а отдельным изданием — в 1948 г.) представляется идеологическая борьба в академической среде Урала. И одним из объектов нападок являлось историческое прошлое России. Героя романа поражало то, что большинство диссертаций аспирантов «посвящалось далекому прошлому», и этим занимались те, кто «жил в советской семье, учился в советской школе, в университете, вел пропагандистскую работу на заводе!» И он восклицает: «Нет, товарищи, мы не позволим Екатериной заслонить Радищева, Николаем — декабристов...» А «старую» профессию, просто уличив в «крупных теоретических ошибках», следует отправить из университета «сидеть дома, рыться в книгах» [41, с. 27, 127]. В качестве антипода «молодого советского ученого» — «настоящего воинствующего большевика» Кожарова, который «учился всегда одной науке — ленинизму», в романе представлен «до поры до времени непререкаемый авторитет в глазах студентов и почти всех профессоров университета», «тщеславный индивидуалист», который с «болью ломал себя, чтобы покинуть столицу и поехать на Урал», «старый профессор Богучаров [42, с. 184—191]. Достаточно прозрачно в собирательном литературном образе профессора Пермского университета начала 30-х гг. можно усмотреть и историка А. А. Савича.

О методах работы в Перми с подобными профессорами, «прикрытыми внешним лоском высокой образованности», знакомит все тот же С. В. Тураев. Он приводит пример, видимо, схожий с положением, в котором оказались многие «старые» профессора, в том числе и белорусский историк, воспринимавшиеся окрепшей властью как неспособные вести борьбу

на уничтожение с «растлевающим трупным ядом» буржуазной науки, не способные «гордятся силой и величием русского народа, который в страшных мучениях, в кровавой борьбе выстрадал свое право быть учителем других народов» [42, с. 189]. Приводимый пример безошибочно можно ретранслировать и на все другие высшие учебные заведения СССР тех лет: «В здании пединститута был отдельный кабинет, в котором постоянно работал майор государственной безопасности, периодически вызывая

отдельных студентов и преподавателей для беседы» < . > «На кафедрах литературы и истории шли ожесточенные бои против рецидивов домарксистской науки. Был уволен историк Дьяконов А. П., биография которого (окончил духовную академию) в те годы не внушала доверия». В продолжение этого ряда фактов находилось и положение, в котором оказался Александр Антонович. Вряд ли биография россиёве-да А. А. Савича, как и биография антиковеда Александра Петровича Дьяконова, его старшего коллеги по учебе в Петербургской духовной академии и по работе в вузах Перми, могла внушать доверие устремленных в светлое будущее уральских властей. И, скорее всего, он был одним из клиентов упомянутого «отдельного кабинета» пермской alma mater. В воспоминаниях бывшего студента говорится о «непрофессионализме» хозяина кабинета. Видимо, тамошний чекист просто еще не осознал всей остроты развернувшейся «классовой борьбы». А может, на советской периферии работали не самые лучшие сотрудники органов. Главное же, что вновь Савичу была предоставлена возможность уйти от более «тесного» знакомства с мужающей репрессивной машиной. Историк сменил место проживания, но не сферу деятельности: он устроился на преподавательскую работу в Ярославский пединститут.

Объем и замысел публикации не позволяют пространно изложить последующие перипетии, выпавшие на долю А. А. Савича. Впрочем, и сколь-нибудь достоверной информации пока еще не накоплено. Можно только предполагать, что историку пришлось пережить в тяжелые 30-е годы. Однако он сумел в условиях кровавых репрессий и защитить докторскую диссертацию, и войти в состав авторского коллектива по написанию первого поколения «сталинских» учебников по истории СССР для вузов. Так, он был привлечен к этой работе своим старым знакомым и коллегой по БГУ В. И. Пичетой, который и сам являлся не «полит-надежным», к написанию раздела о борьбе украинского и белорусского народов против «панской Польши» в XVII в. Можно предположить, что столь ответственное задание было ему поручено потому, что он в 1939 г. «чистосердечно приветствовал поход Красной Армии в родные края». Однако все же именно научные работы Александра Антоновича по истории столь любимого им XVII в. так и не были опубликованы, потому что он по-прежнему воспринимался властью как «церковный человек» [43, с. 449-450].

Недолгое возвращение в Минск. Война во многом изменила идеологические парадигмы власти. Даже Русская православная церковь перестала считаться ею заклятым врагом. Были реанимированы и героические сюжеты царского прошлого, был воскрешен исторический патриотизм. Поэтому стали востребованными и знатоки эпох минувших, в особенности когда в этих эпохах вдруг были «найжены» примеры мужества, сплоченности народов для отпора грозному врагу и т. д. Время Богдана Хмельницкого, знатоком которого являлся А. А. Савич, как раз и являло собой такого рода примеры. В особенности если оно, время, можно было профессиональной рукой историка-специалиста должным образом «загероизировать», наложить на потребу современным установкам со стороны власти. Вот только как не погрешить научной истиной, не исказить источники: историку почти всегда следовало искать безопасный, но такой узкий проход между этими «Сциллой и Харибдой» — научной компетенцией, собственной совестью и установками «сверху». Как можно считать, Александру Антоновичу это удавалось лишь на некоторое время.

Так получилось и во втором «минском периоде» его жизни и научного творчества. Его приглашение поработать в БГУ и АН БССР выглядело вполне взвешенным со стороны белорусских властей: все-таки А. А. Савич являлся историком с незапятнанной в годы войны

репутацией, соавтором официального учебника. А в Беларуси так долго вынашивалась идея создания «своего» учебника белорусской истории, точнее — истории БССР. Да и кафедру российской истории должен был возглавлять в университете авторитетный ученый. Надо полагать, не без поддержки со стороны В. И. Пичеты Александр Антонович вновь оказался в Минске. И активно включился в научную жизнь, но вовсе не общественную. Тем более что благоразумно не оставил своей московской прописки. О том, что отношения между А. А. Савичем и В. И. Пичетой все годы оставались чуть ли не дружескими, что у них было много общего во взглядах на советскую действительность, не говоря уже о научных принципах, свидетельствует запись, сделанная Владимиром Ивановичем «для себя» уже на склоне лет — 23 февраля 1945 г. Ее смысл иначе раскрылся после основательного знакомства с жизненными пертурбациями Александра Антоновича. И внешний «негатив» в оценке принципиального академика сменился на полушутливый, но очень точный «позитив»: «Я добродушно вспоминаю о «гадостях» иезуита-униата Савича» [44, с. 334]. В свою очередь, уже после смерти старшего коллеги Александр Антонович опубликовал статью-воспоминание о нем, в которой тепло и благодарно оценил роль Владимира Ивановича и в науке, и в организации высшей школы Беларуси: «В. И. Пичете пришлось совмещать в себе и организатора научной жизни в новооткрытом университете, и администратора-хозяйственника, и профессора» [45, с. 9].

С переездом БГУ в Минск из-под Москвы (август 1944 г.) кафедре истории народов СССР вменялась в обязанность обеспечить преподавание «самой важной исторической дисциплины» на всех факультетах, хотя профессиональных кадров было недостаточно. Этой миссией она была наделена со второй половины 1930-х гг. — быть первой среди других кафедр истфака, нести главный идеологический заряд. В университете же после кафедр истории КПСС, марксизма-ленинизма, политической экономии она была следующей, на которую возлагалась столь ответственная функция. На кафедре постепенно собирался преподавательский коллектив в основном из довоенных выпускников-фронтовиков истфака БГУ: А. И. Сидоренко, П. З. Савочкин, Л. С. Абецедарский. Уже с 1944 г. в документах в качестве заведующего кафедрой назван А. А. Савич. Он был в полной мере задействован на всех направлениях академической работы: руководил организацией учебного процесса, распределяя нагрузку между преподавателями кафедры, сам имел до 500 учебных часов, получая, как и большинство профессоров БГУ, 6 тыс. рублей оклада, выступал в лектории университета с публичными лекциями (типа — «Происхождение русского народа») и т. д. [46, л. 29; 47, л. 62].

Но более всего квалификация Александра Антоновича была задействована в написании 2 и 3-го томов «Истории БССР», которые готовились в стенах АН, но с привлечением историков университета. Нет необходимости излагать многострадальную историю написания этой «истории». Это замечательный и благодатный сюжет для чуть ли не монографического исследования. В данном же случае просто отметим, что А. А. Савич стал очередным автором-жертвой очередной же попытки создать идеологически выверенную, но как бы похожую на правду историю белорусов и их многострадальной земли.

Сотрудники кафедры в условиях послевоенного времени старались не только доказать свою «профпригодность», участвуя в многочисленных идеологических кампаниях, но и по-настоящему заниматься научными исследованиями. Великая Победа на время раскрепостила мышление, позволила помечтать о демократических принципах, в том числе и в науке. Тем более, где наука — там и споры, и дискуссии. И порой весьма нелицеприятные, а уж в тогдашних условиях в ряде случаев — нацеленные просто на творческое уничтожение оппонента. Этому содействовало вынесение подобных дискуссий на партийные собрания: для безоговорочного вердикта об идеологической качественности «социально значимых» исторических работ. Подобное партсобрание состоялось в БГУ 17 октября 1946 г., на котором тогда еще кандидат исторических наук (докторская диссертация будет защищена им только в апреле 1948 г. [48]) А. П. Пьянков при обсуждении 2 и 3-го томов «Истории БССР» всю силу

своего интеллекта направил на критику итогов работы А. А. Савича. На его взгляд, история народа в столь ожидаемом издании подменена «описанием жизни королей, а распространение русской культуры автор связывает только с построением церквей и монастырей, не указывается классовая сущность». Савичу «всуе» ставилось в вину и происхождение: мол, советский профессор «выводит свою родословную от проф. Кояловича, реакционера, рассадника мракобесия». Правда, во время выступления А. П. Пьянкова из зала бросали реплики об ошибках самого выступающего, допущенных при написании 1-го тома той же «Истории БССР». Товарищи по партии требовали объяснить эти ошибки. Тем не менее не историки, но при партийных должностях довершили погром: в постановлении были зафиксированы в качестве общепартийного решения именно критические формулы, высказанные А. П. Пьянковым, в целом названные «принципиальными ошибками» А. А. Савича: «подмена истории белорусского народа историей князей, королей, идеализация роли церкви и духовенства в национальной борьбе и самоопределении белорусского народа» [49, л. 86, 93].

Отголоски этого собрания раздавались еще некоторое время в стенах университета, в течение нескольких месяцев будоражили жизнь истфака БГУ. Наконец, 6 марта 1947 г. на партбюро исторического факультета фронтовик А. И. Сидоренко отметил, что «пререкатель-ства между Савичем и Пьянковым отрицательно сказываются на работе аспирантов, что кафедра отгораживается от тех, кто прикреплен к проф. Савичу», хотя сам Александр Антонович интересуется работой своих аспирантов, дает им задания. Вместе с тем в постановлении бюро о работе кафедры истории народов СССР этот конкретный межличностный и творческий инцидент остался по-за вниманием, хотя «ужиться» на одной кафедре двум университетским авторитетам в области российской истории было сложно. Постановление обобщило более существенные недостатки в работе кафедры, руководимой А. А. Савичем: «в работе кафедры до сих пор не нашли преломления исторические решения ЦК ВКП(б) о повышении уровня идеологической работы. Организационная работа кафедры недостаточна. Кафедра не существует как сплоченный, дружный научный коллектив. На кафедре не обсуждаются работа ее членов, научные проблемы, методические вопросы и вопросы программного материала; тематика научно-исследовательской работы и аспирантских диссертаций бралась из отдаленного прошлого». Значимость

кафедры в научном и идеологическом обеспечении университетской гуманитарной сферы тем более возросла после ее объединения (в сентябре 1947 г.) с кафедрой истории БССР [50, л. 25—26, 28, 125].

И уже отчет БГУ за 1946/47 учебный год содержит запись, что работавший в Москве профессор А. А. Савич, как зав. кафедрой истории народов СССР БГУ, «отказался от работы в университете» в ряду двух других заведующих. И на его место был назначен доцент А. П. Пьянков, которого в скором времени постигнет схожая участь [51, л. 5].

Эпилог, требующий уточнений. В последующие годы Александр Антонович работал в вузах Москвы, в Государственном историческом музее, Институте истории АН СССР, в духовных учреждениях [43, с. 450]. Последнее место его работы — Московский государственный заочный педагогический институт. Умер историк-белорус 21 октября 1957 г. в Москве и похоронен на 6-м участке Введенского кладбища.

По истечении многих десятилетий его имя если и не забыто, то по достоинству все же не оценено. Отрадно, что во исполнение указа главы Республики Мордовия в ряду десятков наиболее отличившихся перед республикой назван и историк-белорус. Календарь знаменательных и памятных дат «Время и события», который издается местной Национальной библиотекой им. А. С. Пушкина, содержит упоминание: «120 лет со дня рождения историка, доктора наук (1935), профессора (1926) Александра Антоновича Савича (1890—1957)».

Естественно, и в Беларуси имя Александра Антоновича не забыто. Кафедра истории России БГУ в весенние дни 2010 г. провела чтения «Учитель, пред именем твоим...», где один из основоположников белорусского университетского россиеведения был представлен прежде

всего как белорусский историк. Даже «Белорусское время» — Интернет-газета посольства Республики Беларусь в Российской Федерации (<http://www.belarustime.ru/events/>) отозвалась на 120-летие со дня рождения А. А. Савича краткой информацией о нем: «13.03.1890. Родился Александр Савич, белорусский историк. Доктор исторических наук (1937), профессор (1928)». Почти обязательно в разных источниках (официальных и неофициальных) содержится путаница в датировке важнейших вех в биографии ученого. А это свидетельство того, что мы в лучшем случае можем тиражировать отдельные факты о тех, «на плечах которых стоим», но пока еще не уяснили всех обстоятельств их жизненных судеб, творческих планов, страданий и потерь в круговороте своей нынешней общественной жизни. С ней-то можем разобраться и даже определить парадигмы ее развития. А вот жизнь личности, даже заметной, неординарной — это как придется, на «злобу» некоего юбилея!

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Интернет-ресурсы:
Энциклопедия Перми: <http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1803700712>; Воспоминания С. В. Тураева «Пермь. Карла Маркса, 1926—1930-е годы»: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_147; С сайта Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино. Электронная библиотека: http://hyperlib.libfl.ru/search_auth.php?utf=1&trun1=1&id=7365&term_1=%D0%A1%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%87; С сайта Пермского государственного университета: <http://www.psu.ru/?a=0&lang=Eng&m=008&id=135&mode=profs>; <http://www.psu.ru/?m=016&a=1&lang=Rus>; С сайта: Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника: <http://baza.vgd.ru/1/28492/>; С сайта Государственного архива Пермского края: <http://www.archive.perm.ru/page.php?id=353>; С сайта «БГ Деловая газета», рубрика «Листок календаря»: <http://bdg.by/news/society/4034.html>; http://www.library.saransk.ru/article/art_for_site/calendar_2010.doc; С сайта Проза.ру. Свод персоналий: <http://www.proza.ru/2009/03/27/612>; <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
3. История СССР / под ред. В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова, А. В. Шестакова. Т. 1. М., 1941.
4. Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 205. Оп. 3. Д. 7305.
5. <http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/litsem.html>
6. <http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/spbda.html>
7. Труды Белорусского Государственного Университета в Минске. 1922. № 2—3.
8. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 751.
9. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 123.
10. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 92.
11. Труды Белорусского Государственного Университета в Минске. 1922. № 1.
12. Памяць і слава. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921 — 1941 / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шу-мейка, А. А. Яноўскі. Мінск: БДУ, 2006. 382 с.
13. Вестник Народного Комиссариата Просвещения ССРБ. 1921. № 1.
14. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 4.
15. *Кончаловский, Д. П.* Воспоминания и письма (От гуманизма к Христу) / Д. П. Кончаловский. Paris: Librairie des cinq continents, 1971. 348 с.
16. *Метлин, В. З.* Воспоминания о прошлой студенческой жизни и учебе в БГУ / В. З. Метлин // Из личного архива автора.
17. *Саковіч, А.* Да гісторыі Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту / А. Саковіч // Запісы Беларускага Інстытуту Навукі і Мастацтва. New York, 1954. № 1.
18. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2807.

19. Вестник Народного Комиссариата Просвещения СССР. 1922. № 3.
 20. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 60.
 21. Улащик, Н. Н. В. И. Пичета в первые годы существования Белорусского государственного университета / Н. Н. Улащик // Славяне в эпоху феодализма. К 100-летию академика В. И. Пичеты. М. : Наука, 1978. 343 с.
 22. Каценбоген, С. З. Белорусский Государственный Университет за 1922—1923 год (Итоги и перспективы) / С. З. Каценбоген // Труды Белорусского Государственного Университета. 1923. № 4—5.

23. Звезда. 1922. № 259.
 24. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 54.
 25. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 75.
 26. Пичета, В. І. Беларускі Дзяржаўны Унівэрсытэт напярэдадні 10-годзьдзя Кастрычнікавай рэвалюцыі / В. І. Пичета // Беларускі Дзяржаўны Унівэрсытэт. 1921—1927. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927. 73 с.
 27. Савецкая Беларусь. 1923. 3 мая.
 28. Першы выпуск Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту. 20 лютага 1925 году. Віцебск : Выданьне Б.Д.У. 1925. 31 с.
 29. Пичета, У. І. Формы нацыянальнага й опоздыйнага руху на Беларусі / У. І. Пичета // Полымя. 1924. № 2.
 30. Тэпін, В. З успамінаў / В. Тэпін // Беларуская газета. 1943. 29 верасня.
 31. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 39.
 32. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 103.
 33. Яноўскі, А. А. Царкоўна-рэлігійныя аспекты ў дзейнасці БДУ (1920—1930-я гг.) / А. А. Яноўскі // Канфесіі на Беларусі: гісторыя, сучаснасць: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. (Брэст, 7—8 кастрычніка 2004 г.). Брэст : Выд-ва БрДУ, 2005. 325 с.
 34. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 112.
 35. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 127.
 36. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 55.
 37. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213.
 38. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 79.
 39. Звезда. 1932. 31 кастрычніка.
 40. Звезда. 1934. 16 студзеня.
 41. Коновалов, Г. И. Университет / Г. И. Коновалов. М. : Изд-во ВЦСПС Профиздат, 1948. 267.
 42. Иванов, В. Философия и жизнь (О романе Григория Коновалова «Университет») / В. Иванов // Октябрь. 1948. Кн. 6. Июнь. С. 184—191.
 43. Токарев, Василий. Возвращение на пьедестал: исторический комментарий к фильму «Богдан Хмельницкий» (1941) / Василий Токарев // Історіографічні дослідження в Україні / Голова редкол. В. А. Смолій. Кієв : НАН України. Ін-т історії України, 2008. Вип. 18. С. 427—455.
 44. В. И. Пичета. «Дневниковые записи 1944—1946 гг.» / Уткина Л. И. (сост., предисл., науч. коммент.) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск : БГУ, 2009. 431 с.
 45. Савич, А. А. Владимир Иванович Пичета, его жизнь и научная деятельность / А. А. Савич // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Т. 60. Вып. 2. М., 1949. С. 7—15.
 46. Архив БГУ. Опись личных дел преподавательского состава до 1975 г. Д. 1207.
 47. НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 80.
 48. За сталінскія кадры. 1948. 17 красавіка.
 49. НАРБ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 10.
 50. НАРБ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 11.
 51. НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 108.

SUMMARY

For the first time, the author describes professional and private life milestones of a Soviet historian Alexander Savich. Some little-known archival sources made it possible to follow up how this Belarusian intellectual, who had graduated from both St. Petersburg Ecclesiastical Academy and the Moscow Imperial University adapted to the Soviet day-to-day realities. The special emphasis has been put on the two Minsk periods of Alexander Savich's scientific and teaching activities (1921—1924 and 1944—1947). The article depicts that the accusations of his priest family origin and education as well as his depreciation of Marxism kept persecuting him all his life in Minsk, Perm and Moscow. Nevertheless, he managed not only to survive under the complicated social and political circumstances, but also to contribute substantially to the development of important issues of Belarusian, Russian and Ukrainian history of 16—17 centuries.

Статья поступила в редакцию 14 июля 2009 г.